

Все вокруг огляделись по сторонам и принялись гадать: Пять Героев Зеленого Леса, казалось, ещё только что были здесь — донельзя жалкие и растерянные, а теперь смылись быстрее некуда.

Чжао Юйчжэн вопросительно посмотрела на Ли Цзы. Та на мгновение задумалась и произнесла:

— Когда мы только что пересчитывали людей, они ещё были на месте.

«Ладно, раз смогли уйти, значит, ничего страшного», — подумала Чжао Юйчжэн. Если бы они остались, ещё неизвестно, не подняли ли бы гвалт; от одной этой мысли начинала болеть голова, так что без них даже лучше.

Пережив только что потрясшее её до глубины души происшествие, Чжань Цзинъань до сих пор не могла полностью прийти в себя. Великий генерал Чжань была права: глава союза Цзян ведь и впрямь редчайший за сто лет боевой гений, и ей безумно хотелось сойтись с ней в поединке. Только что обстановка была донельзя запутанной, она сама почти оказалась на краю гибели, но стоило появиться Чжао Юйчжэн, как положение тут же перевернулось — казалось, она была тем самым успокоительным средством, перед которым все готовы склонить головы.

Эту вылазку в Цзянху она совершила не зря.

Чжань Цзинъань интуитивно чувствовала, что встретить такую женщину — удача, выпавшая едва ли не раз в жизни; мало того, что она, будучи женщиной, испытывала перед ней трепет, вряд ли нашёлся бы хоть один мужчина, который не проникся бы к ней восхищением.

Подумав об этом, Чжань Цзинъань сложила руки перед грудью, уголки её губ невольно поползли вверх, и она улыбнулась:

— Глава союза Чжао, благодарю за то, что только что выручили меня. Я искренне признательна.

Чжао Юйчжэн легко улыбнулась, и в её глазах промелькнули капли нежности:

— Девушка в одиночку преградила путь опасности — вот кто поистине заслуживает моего восхищения.

Впечатление, которое произвела на неё Чжань Цзинъань, было глубоким и самым лучшим. Чжао Юйчжэн тотчас вспомнила, как та, облачённая в алое, в одиночку встала перед гигантским белым валуном. В тот момент, когда она только услышала шум и примчалась взглянуть — пусть повсюду летели обломки камней и царила паника, — она сразу же заметила этот всполох красного, подобный кленовому листу или свежей крови: яркий и бурный, ослепительный и пламенный. Больше всего её удивило, что хозяйкой этого алого одеяния

оказалась совсем юная миловидная девушка, которая мчалась напролом с мечом в руке, страхась лишь одного — не успеть спасти людей в долине, опоздать хоть на шаг, и тогда в мире угаснет столь прекрасная и чистая душа, с которой стоило бы подружиться.

— Ох, глава союза Чжао, вместо того чтобы звать её девушкой, не лучше ли назвать её сестрицей Чжань? Я ведь прав, молодой генеральша Чжань?

Услышав обращение молодой генеральша Чжань, Чжань Цзинъань смутилась пуще прежнего, и её белоснежные щеки снова покрылись лёгким румянцем. Кому еще мог принадлежать столь ленивый голос, как не... Стойте-ка? Он сказал... я? Он и впрямь...

К роскошному экипажу подъехал кортеж, и окружавшие его люди один за другим соскочили с коней, выстроившись по обе стороны в две почтительные шеренги. Многослойные нежно-розовые шелковые занавеси, словно клубящиеся облака цветущего тумана, медленно откинула изнутри нежная белая рука. Рука эта была гладкой, точёной и мягкой, словно лишённой костей, похожей на шёлк, только что вымощенный в молоке, или натёртую тонким слоем воска благодаря лучам солнца; раз уж одна лишь рука выглядела столь безупречно, то сам человек...

И впрямь, когда занавески приподнялись на несколько дюймов, показалось лицо несравненной красавицы. Только вот это оказалась женщина! Её иссиня-чёрные волосы были собраны на затылке и заколоты изысканными и роскошными жемчужными шпильками, на лбу красовался узор в виде розового пиона, а ясные глаза и алые губы невероятно тревожили сердце.

Что? Назвавшаяся «мною» особа оказалась ослепительно прекрасной женщиной?

Все присутствующие лишились дар речи от изумления и могли лишь таращиться на красавицу во все глаза.

Красавица, казалось, привыкла к подобному вниманию, лишь очаровательно улыбнулась, и её взгляд — одновременно манящий и чистый — заструился так, будто из глаз вот-вот прольётся вода. Она лукаво покачала рукой, занавески распахнулись шире, и внутреннее убранство повозки предстало перед глазами собравшихся.

Из курильницы с тёмно-фиолетовым золочением поднималась тонкая струйка дымки, на полу лежали циновки из белого нефрита, поверх которых стлался мягкий ковёр, сотканный из двухсторонней узорчатой сяньской парчи и привесённого из заморских стран тончайшего светящегося по ночам льдистого шёлка; что уж говорить о золотом ложе с мягким матрасом, шкатулках с сокровищами, драгоценном антиквариате и редчайших древних фолиантах! Весь экипаж был переполнен роскошью и властным величием высокого происхождения и неисчислимых богатств. Бросив лишь беглый взгляд, можно было почувствовать таинственность и несметную стоимость этого убранства. Подумать только: внешнее оформление повозки казалось верхом излишеств, но по сравнению с её внутренним устройством оно было явно сдержанным.

Однако помимо роскошного убранства внутри обнаружилось кое-что ещё более шокирующее,

от чего невозможно было оторвать глаз.

В этой невероятно богатой и утонченной карете находились еще два человека.

Женщина в роскошном алом платье и мужчина в пышных пурпурных одеждах.

Женщина была поистине редчайшей красавицей; каждое её движение и улыбка излучали мириады оттенков очарования. Сейчас она полулежала на золотом мягком ложе, высунув из длинного рукава отрезок белоснежной нефритовой руки, и нежно обвивала шею лениво примостившегося и закинувшего ногу на ногу мужчины, чья голова покоилась на её коленях.

— Подчинённые приветствуют Сяояо-вана! — дружно и с удивительной слаженностью воскликнули люди вокруг экипажа.

Народ в Долине Хаожань, хотя и не проходил специальной подготовки, проявил врожденное единодушие и застыл в безмолвном молчании.

Мужчине было чуть за двадцать, от него веяло благородством и изысканностью, а каждое движение источало невыразимый шарм и беспечную лёгкость. Его волосы были собраны на макушке фиолетово-золотой нефритовой заколкой, а одна прядь падала набок, открывая высокий и гладкий лоб; струящиеся, подобные шёлку распущенные волосы водопадом спадали на спину. Его узкие глаза, глубокие, как ночные звёзды, таили в себе манящий блеск, исполненный улыбчивой страсти, а на губах блуждала едва заметная улыбка ясного месяца. Кожа лица излучала сияние белого фарфора, с которым не могли сравниться никакие сокровища мира; черты его лица не были резкими и суровыми, как у обычных мужчин, а отличались мягкими округлыми линиями — от природы безупречные и несравненно красивые.

Но сильнее всего заставляло замирать сердце то, что при столь ослепительной внешности он обладал природной удалью и непревзойденной непринужденностью.

Те две красавицы были несбыточны в мире людей, но он казался недостижимым на небесах.

На нём был пурпурный халат, под который надевалось белоснежное исподнее белье с узорами. Воротник был сшит по особому фасону, приспособленному к погоде конца лета — слегка расстёгнутый, а не плотно прилегающий, с каймой из золотого узора по краю, которая выглядела к месту. Застёжки халата состояли из плетеных узоров счастья и обсидиана, нефритовый пояс подчёркивал превосходную фигуру, а подол спускался до самых щиколоток, едва приоткрывая белые сапоги с инкрустацией из драгоценных камней.

В руке он держал фиолетовую нефритовую флейту. Его пальцы — тонкие, изящные, словно сгусток нежного свиного сала, — казались ещё прекраснее той нефритовой руки, что отдергивала занавеску; на кончике пальца красовалось кольцо из белого нефрита с фиолетовыми прожилками. Истинный красавец подобен нефриту, сияющему на фоне персиковых цветов. А нефрит самой флейты, несомненно наивысшего качества и прозрачности,

отбрасывал на эти подобные нефриту пальцы нежно-пурпурные блики, гармонично дополняя друг друга.

Каждое его движение источало обаяние и в то же время некую бунтарскую свободу, балансирующую между глубоким чувством и легкомыслием — врождённая развязность сочеталась с ликом прекрасного юноши, мягким, словно тёплый нефрит.

Это был приёмный брат правящего императора, высочайше пожалованный титулом Сяояо-вана — Цинь Юнцзюэ.

Едва ступив на землю, Цинь Юнцзюэ — роскошный, величественный и неотразимый — мгновенно приковал к себе мириады взглядов.

Все присутствующие мысленно восхищались: как ни крути, а изысканные терема и пышное убранство созданы руками людей, тогда как лицо красавца — истинное творение небес, скрытое в его ауре, слитое с костью и кровью, высеченное в самом сердце и душе. В тот момент, когда он ступил в этот мир, всё остальное в одно мгновение утратило свои мириады красок.

Появление Цинь Юнцзюэ настолько потрясло умы людей, что они даже не заметили, как пролетело время. Лишь немного оправившись, они наконец осознали смысл последних слов Цинь Юнцзюэ... молодой генеральша Чжань...

Голос Цинь Юнцзюэ, впрочем, был негромким, но он подгадал паузу в разговоре Чжао Юйчжэн и Чжань Цзинъань, а вокруг никто не шумел, так что все расслышали его отчетливо.

— Молодая генеральша Чжань? Неужели из той самой семьи Чжань, что славится своей Армией Цзинхун?

Сердца людей затрепетали. Кто же в династии Шэн не знал Армию Цзинхун? Это сухопутное войско славилось своей выносливостью и тренировалось под началом клана Чжань. Стоило войскам Цзинхун выступить в поход, как все до единого — будь то мужчины или женщины — проявляли отвагу и несравненный боевой дух. Они искуснее всех вели сражения в экстремально суровых условиях, а их излюбленным оружием были длинные копья с красными кистями. На смертельном поле боя Армия Цзинхун лучше всех умела идти напролом, а в критический момент — насмерть стоять у прикрытия, обеспечивая отход остальных главных сил ради сохранения живой силы, без малейших сожалений. Это была самая отчаянная армия династии Шэн, носившая почётное прозвание Железно-Кровавых, хотя чаще их называли просто Железно-Кровавыми Цзинхун.

Ныне старый генерал Чжань уже в летах, и вместе со старухой-супругой отошел от дел, пребывая в полузатворничестве. Нынешним же главнокомандующим Железно-Кровавых Цзинхун был второй сын семьи Чжань — Чжань Су. В своё время его брак с первой лучницей Цзянху, отважной героиней Шань Юньсю, стал прекрасной легендой, у всех на устах передававшейся по всему Цзянху.

Присутствующие внезапно всё поняли. Вот оно что! Оказывается, это старшая дочь генеральского дома, ребёнок великого генерала Чжань Су и героини Шань, кровь семьи Чжань из Железно-Кровавых Цзинхун! Если подумать, миллионы воинов Железно-Кровавых Цзинхун поколениями проливали кровь на дальних рубежах, безмолвно защищая династию Шэн от иноземных вторжений. Они были героями в сердцах простого народа династии Шэн, последним рубежом обороны на её границах. В этот миг сердца людей переполнились невыразимой благодарностью: глядя на Чжань Цзинъань, они словно видели саму армию Цзинхун, день и ночь стоящую на страже полей сражений, и невольно исполнились глубочайшего уважения.

<http://bllate.org/book/19522/1913974>